

УДК 81-119
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-220-237

**Означающее как означаемое:
прогностическая концепция
семиозиса фонетического плана речи**

Н. Н. Шпильная

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Предмет статьи – прогностическая концепция семиозиса фонетического плана речи. Интерпретация означающего рассматривается как акт его прогностической перекодировки, результатом которой является фонетический облик слова, воспринимаемый адресатом. В работе формулируется идея наличия в языке прогностических алгоритмов кодирования означающего. В качестве таких алгоритмов рассматриваются редукция и ассимиляция.

Ключевые слова

семиозис, означающее, редукция, ассимиляция, прогностика, перекодировка

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2.

Автор статьи выражает глубокую признательность Н. Д. Голеву за внимательное прочтение рукописи и высказанные рекомендации, позволившие прояснить идею работы.

Для цитирования

Шпильная Н. Н. Означающее как означаемое: прогностическая концепция семиозиса фонетического плана речи // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 220–237. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-220-237

© Н. Н. Шпильная, 2021

Signifier as Signified: Predictive Concept of Semiosis of the Phonetic Plan of Speech

N. N. Shpilnaya

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

The subject of the article is the prognostic concept of semiosis of the phonetic plan of speech. Interpretation of a signifier is considered as an act of its predictive recoding, the result of which is the phonetic appearance of the word perceived by the addressee. Based on the position that language and speech are two sides of speech activity, the relationship between which can be described by relations of predictive interpretation, the article formulates the idea of the presence of interpretative – predictive algorithms for encoding the signifier in the language. Reduction and assimilation are considered as such algorithms. The interpretation of these processes in modern linguistics is reduced to the statement of positional changes in phonemes in the speech flow. The positional principle in this approach becomes a sound law. However, the law is a statement of regularity, but not an explanation of why this happens. The paper substantiates that these processes are the result of a substantial interpretation inherent in language as a means of communication.

Keywords

semiosis, meaning, reduction, assimilation, prognostics, recoding

Acknowledgements

The work was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists – doctors of science MD-3824.2021.2.

The author of the article expresses his deep gratitude to N. D. Golev for carefully reading the manuscript and for the recommendations made, which made it possible to clarify the idea of the work.

For citation

Shpilnaya N. N. Signifier as Signified: Predictive Concept of Semiosis of the Phonetic Plan of Speech. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 220–237. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-220-237

Введение

Идейно статья вписывается в контекст лингвистических теорий, признающих имманентную природу языка: структурализм, деривационная грамматика, лингвосинергетика. Имманентная природа языка рассматривается в статье как проявление его алгоритмической организации, имеющей цель кодирование информации для адресата. Алгоритмическая основа естественного языка находит отражение прежде всего в процессе интерпретации (перекодировки) семантической информации (означаемого) в ее формальную организацию с выходом в различные субстанции – устную или письменную.

Цель статьи – представить прогностическую концепцию семиозиса фонетического плана речи. В работе мы акцентируем внимание на семиозисе означающего – на процессе интерпретации фонем в звуки речи. Исходя из положения, согласно которому язык и речь – это две стороны речевой деятельности, отношения между которыми можно описать отношениями прогностической интерпретации, мы предположили, что в языке действуют интерпретационно-прогностические алгоритмы кодирования означающего. В качестве таких алгоритмов нами рассмотрены редукция и ассимиляция.

В статье интерпретация означающего рассматривается как перекодировка его семантики, образуемой смыслоразличительными дифференциальными признаками. Прогностическая интерпретация семантического содержания означающего осуществляется как акт предвосхищения его восприятия адресатом. Иными словами, алгоритмы прогностической интерпретации означающего (его семантики) априори диалогоцентричны, что соответствует современным представлениям о диалогической природе языка, его адаптированности к обслуживанию ситуации диалога [Диалогическая лингвистика, 2019].

Говоря о семиозисе фонетического плана речи, остановимся на явлении интерпретации означающего как его прогностической перекодировке. Современное языкознание располагает значительным набором представлений о специфике интерпретации; при этом наибольшее распространение получила гипотеза семиотической природы интерпретации как проявления отношений «знак – интерпретатор» [Болдырев, 2011; Демьянков, 1996; Ким, 2009]. Менее распространенной является гипотеза кодирующей природы интерпретации, что объясняется, по всей видимости, меньшим гносеологическим интересом лингвистов к представлению языка не как вычислитель-

ной машины¹, а как ее оператора (программиста)², формирующего программу (теорию) взаимосвязи всех его компонентов и проявлений: семантики и прагматики, формы и содержания, языка и речи и пр.

Понимание интерпретации как субстанциональной перекодировки долгое время было характерно для лингвистических работ, отстаивающих тезис о перекодировке устной речи в письменную. В рамках деривационной грамматики текстов выделяются кодовые трансформации вторичных текстов, рассматриваемые как интерпретация их субстанционального содержания [Голев; Сайкова, 2001]. Об интерпретационной функции орфографии в этом же ключе говорит и Н. Д. Голев [1998]. Если в лингвистике понимание интерпретации как перекодировки только намечается, то в работах по созданию и использованию алгоритмических языков кодировка как процесс перевода информации из одной кодовой системы в другую является значимым предметом изучения (ср., например, байтовые кодировки, юникод-кодировки).

Устранение данного противоречия предполагает формулирование следующего тезиса: с собственно лингвистических позиций язык представляет собой кодирующий механизм, специфика которого сводится не только к кодированию внеязыковой информации (это положение является на сегодняшний день аксиоматичным)³, но и к внутриязыковой прогностической перекодировке релевантной для коммуникации информации. Внутриязыковая прогностическая перекодировка, или интерпретация, наблюдается в кодовых переходах между языком и речью, между устной и письменной субстанциями, между формой и семантикой, семантикой и прагматикой. В рамках данной статьи мы остановимся на прогностической концепции семиозиса означающего как совокупности фонем в звуки речи.

1. Интерпретация как перекодировка языка и речи

Общепринятым на сегодняшний день является положение, согласно которому язык и речь – это два самостоятельных феномена, отношения

---

¹ См., например, [Хомский, 1972].

² Ср., к примеру, с идеей В. фон Гумбольдта, согласно которой «язык не есть мертвый механизм, но живое творение, исходящее из самого себя» [Гумбольдт, 1984].

³ См., например, схему коммуникативного акта Шенона, в которой язык рассматривается как кодирующий механизм, специфика которого проявляется в знаковом оформлении внеязыкового содержания в целях коммуникации.

между которыми описываются как отношения воплощения абстрактных форм в конкретные субстанции – устную или письменную. Традиция противопоставления языка и речи имеет давнюю историю, на которой мы не будем останавливаться подробно [Гумбольдт, 1984; Соссюр, 2011; Щерба, 1974]. Заметим, что выделение двух самостоятельных объектов лингвистики – важная заслуга языковедов прошлых столетий, наметивших лингвоцентрический (структуралистский) подход к исследованию фактов языка. Речевые явления в этом случае рассматриваются как языковой материал для извлечения языковой системы [Щерба, 1974].

Пересмотр оппозиции *язык – речь* намечается и в какой-то мере был осуществлен в работах дериватологов после опубликования работ Л. Н. Мурзина и его последователей. В этом плане можно указать работы Н. Д. Голева и его учеников, в которых предлагается нивелировать противопоставление языка и речи и рассматривать их как проявление единого непрерывного деривационного процесса, при котором язык и речь и параллельно, и последовательно предстают как некие суппозиции для деривации означаемого – главной ориентации языка как средства коммуникации [Голев, 1989; Гусар, 1995; Шпильная, 2018]. Развитие данных идей, как это ни парадоксально, не было спроецировано на соотношение языковых и речевых единиц различных уровней языковой структуры, за исключением, пожалуй, работы [Шпильная, 2019].

Идейно данная статья является продолжением статьи [Шпильная 2019], в которой намечаются контуры деривационно-интерпретационной концепции языка и осуществлена попытка ее эвристической диагностики на примере языковых фактов, фиксирующих особенности различных уровней языка как системно-структурного образования. Развивая идеи, заложенные в указанной работе, мы полагаем, что связь между языком и речью носит интерпретационный характер. Иными словами, **речь – это интерпретация языка, а язык – это интерпретация речи**, где **интерпретация – это прогностический акт, определяющий не только специфику означаемого, но и означающего языковой единицы**. В этом плане выделение языка и речи и их разграничение есть следствие двойного членения речевой деятельности, осуществляющей кодировку (интерпретацию) социального в индивидуальное при производстве высказываний и наоборот – при восприятии высказываний.

Рассмотрение интерпретации как внутриязыкового процесса кодировки соответствует представлению порождающих грамматик в целом и порождающей фонологии в частности [Halle, 1971; Chomsky, Halle, 1968], однако

отличается от последних введением интерпретационного – прогностического – механизма, определяющего синтез языковых, речевых и двигательных (физиологических) механизмов, участвующих в речеобразовании. В этом плане нам близка позиция А. Р. Лурия, который говорил о том, что анализ и синтез звукового потока сопровождается *дешифровкой*, являющейся основной формой работы речевых отделов слуховой коры головного мозга [Лурия, 2018, с. 142]. Полагаем, что сказанное справедливо и по отношению к зоне, ответственной за продуцирование речи, где действуют механизмы кодировки.

2. Семиозис означающего: постановка проблемы

Говоря об интерпретационной основе соотношения языка и речи, нужно сказать, что интерпретация языковых знаков в речи обычно рассматривается в аспекте перекодировки семантической информации в прагматическую. В данной статье мы сконцентрируемся на проблеме интерпретации означающего. Наша задача – показать, что единицы плана выражения – фонемы – интерпретируются в звуках речи в пределах фонетической синтагмы (фонетического слова), представленной вокалической и консонантно-вокалической синтагмой.

Со времен Ф. Соссюра [2011] означающее языковой единицы рассматривается как ее акустический образ. Наши рассуждения позволяют нам предполагать, что акустический образ – это проекция «языкового» означающего в область его речевой манифестации. Иными словами, разграничивая феномены языка и речи, Ф. де Соссюр при определении означающего, по сути, квалифицировал означающее речевой, а не языковой единицы. При таком подходе означающее речевой единицы можно представить как образ консонантно-вокалической синтагмы, воспринимаемой адресатом сообщения, т. е. это то, что воспринимает адресат. Учитывая сказанное, мы полагаем, что в актах создания высказывания консонантно-вокалическая синтагма фонем интерпретируется (перекодируется) с учетом ее речевой проекции для адресата как совокупности вокалических и консонантных речевых элементов – звуков⁴.

---

⁴ В более широком смысле данный тезис звучит в работе Б. В. Якушина «Гипотезы происхождения языка» [1984], в которой предполагается, что появление речи является суппозиционно обусловленным процессом, возникающим из того, что дано, – из языковой суппозиции с учетом наличия образа адресата.

Заметим, что при коммуникативно ориентированной интерпретации языкового знака создается иллюзия незначимости означающего и того, что означающее не интерпретируется, а существует и функционирует как результат технической работы артикуляционного аппарата или звуковых законов языка. Однако такое представление, на наш взгляд, является чрезмерно упрощенным и не объясняет факт (всеми наблюдаемый, в том числе и на основе использования специальной аппаратуры) несовпадения фонемы и ее звуковых вариантов. Мы имеем в виду ситуации типа луг – [к], во – [ʌ]да, ль – /о/ды и пр. При этом последний пример в вузовских курсах по фонетике и фонологии обычно рассматривается как «сложный случай» и вне контекста гносеологически значимого явления различного звукового (речевого) воплощения фонемы. Как следствие, он выпадает и из зоны описания фонетических процессов – непонятно, можно ли сказать, что в данном случае мы наблюдаем редукцию или какой-то другой фонетический процесс.

Парадоксальность ситуации осложняется и тем, что, пожалуй, все без исключения признают момент фонемного решения при восприятии сообщения – мы бы уточнили: при восприятии консонантно-вокалической синтагмы, – позволяющего носителям языка отождествлять и различать слова (ср. с сигнификативной и перцептивной функциями фонем). Однако ситуация продуцирования речи, предполагающая принятие решения относительно звукового воплощения фонем, не попадает в зону рефлексии лингвистов. Между тем в данной ситуации действуют не только механизмы отождествления и смысловозличения, но и, как представляется, некоторые другие механизмы, позволяющие воплощать акустический образ знака таким образом, чтобы фонемное решение при восприятии сообщения было аналогично звуковому решению адресанта. По нашему мнению, здесь как раз и срабатывает интерпретационно-прогностический механизм языка, определяющий образ будущей языковой единицы, в том числе и ее означающего, в актах ее продуцирования и восприятия.

3. Интерпретация как прогностический акт согласования вокалических и консонантных элементов означающего

Учитывая, что отношения между языком и речью – это отношения интерпретации, при которой мы наблюдаем перекодировку означающего, считаем необходимым пояснить, что наличие перекодировки не снимает вопрос о собственно технической стороне воплощения звуковой субстан-

ции. Наоборот, техническое исполнение является условием и следствием перекодировки-интерпретации.

Пояснение данного тезиса предполагает обращение к физиологии двигательной активности. Н. А. Бернштейн обосновывает, что активность носителя языка проявляется в действиях, причем действию предшествует образ (модель) будущего. «Действительно, наметить двигательную задачу (независимо от того, как она закодирована в нервной системе) – это необходимо означает создать в какой-то форме образ того, чего еще нет, но что должно быть» [Бернштейн, 1990, с. 419]. Как следствие, формулируется идея наличия механизма вероятностного прогнозирования⁵, определяющего соотношение образа наличной ситуации и ее модели будущего и механизма принятия решения, запускающего двигательную активность. К. В. Милыхин [2004] отмечает, что внутренняя активность личности проявляется в ситуации снятия противоречия между моделью текущего отражения и моделью будущего.

Проецируя сказанное на решение обозначенной в статье проблемы, мы полагаем, что актуализация лексем (словоформ) в речи сопряжена с подключением интерпретационных и двигательных механизмов, имеющих прогностическую направленность и проявляющихся в интерпретации означаемого языковой единицы как акустического образа. Интерпретация при этом предполагает согласованность составных элементов означаемого как консонантно-вокалической системы.

Учитывая связь двигательной активности и прогностической интерпретации, которая отмечается в работах по физиологии активности [Бернштейн, 1990], мы вслед за физиологами полагаем, что модель будущего определяет двигательную активность, осуществляемую не через действие, а – и это важно – через этап «принятия решений». Именно наличие этого этапа позволяет говорить о том, что прогностическая интерпретация фонемы в звуковой эквивалент имеет своим выходом акустическое решение об артикулировании соответствующего звука речи – гласного или согласного. В актах восприятия речи происходит обратный процесс: акустиче-

---

⁵ Прогностическая природа речи как интерпретационного процесса может быть подтверждена также данными из области синхронного перевода, свидетельствующими, что деятельность синхронного перевода обеспечивается речемыслительным механизмом – механизмом вероятностного прогнозирования, регулирующим создание текста на иностранном языке как упреждающий синтез создаваемого сообщения на языке перевода [Чернов, 1984].

ский образ подвергается прогностической интерпретации за счет прохождения этапа принятия фонемного решения⁶.

4. Редукция и ассимиляция как прогностические интерпретационные процессы

Далее в статье мы попытаемся проиллюстрировать особенности интерпретации означающего как консонантно-вокалической синтагмы, ограниченной ритмической организацией в пределах фонетического слова. Для иллюстрации мы обратились к двум фонетическим процессам – редукции и ассимиляции. Интерпретация этих процессов в современной лингвистике сводится к констатации позиционных изменений фонем в речевом потоке. Позиционный принцип при таком подходе становится звуковым законом. Однако закон – это констатация регулярности, но не объяснение того, почему это происходит. Не претендуя на исчерпывающую полноту объяснительной логики, мы полагаем, что эти процессы являются следствием субстанциональной интерпретации, присущей языку как средству коммуникации. Так, редукция – это прогностический интерпретационный процесс, в рамках которого происходит перекодировка гласных фонем в соответствующие звуки речи. А ассимиляция – это прогностический интерпретационный процесс, в рамках которого происходит перекодировка согласных фонем в соответствующие звуки речи. Иными словами, редукция и ассимиляция – это алгоритмы перекодировки означаемого языка в речевое означаемое.

4.1. Характеристика редукции как интерпретационного процесса

В собственно лингвистическом (описательном) плане редукция представляет собой позиционное ослабление акустических признаков гласных звуков, воспринимаемое на слух адресатом сообщения. Адресатоцентрическая интерпретация редукции как акустического явления между тем не объясняет причины ее появления в речи адресанта. Попытке найти разум-

---

⁶ Принятие фонемного решения, по всей вероятности, осуществляется с опорой на морфематический принцип организации консонантно-вокалической синтагмы. Ср., например, с мнением, согласно которому морфонема как единица порождающей фонологии соответствует фонеме как единице функциональной фонологии [Ткемаладзе, 1992].

ное лингвистическое объяснение данному процессу как раз и посвящен данный раздел статьи.

Полагая, что в речи актуализируется образ будущей языковой единицы, ее означающего, мы считаем, что в отношении фонологического уровня это справедливо хотя бы потому, что фонетическое слово обладает ударением, которое предвосхищает фонетическое слово как цельноформленную единицу (цельноформленное означающее) речевого потока (синтагмы). Трудно представить себе ситуацию, в которой носитель языка произносит фонетическое слово по слогам, акцентируя каждый слог в отдельности. Безусловно, такие ситуации встречаются в реальной жизни, но только в ситуациях, когда фонетическое слово попадает в зону его метаязыкового образа – к примеру, в ситуации разночтения в определении ударного слога и пр. В повседневной речевой практике такие ситуации не частотны.

Исследования в области восприятия речи и изучения моделей распознавания речи свидетельствуют о том, что распознавание речи связано с ее ритмико-мелодическим рисунком [Чистович и др., 1976].

Исходя из сказанного, гласные фонемы, которые оказываются не под ударением, интерпретируются носителем языка, следствием чего является редукция. Например, в слове *водопровод* фонема [о] в первом и во втором слогах интерпретируется как [ʌ] и [ъ] соответственно. Непроясненным в этой связи остается вопрос о различном характере этой интерпретации. В этой связи обратимся к данным в области распознавания речи. На сегодняшний день признается ошибочной теория, согласно которой распознавание речи осуществляется поэлементно (послогово) в рамках синтагмы. Напротив, экспериментальные данные доказывают, что распознавание речи (фонем) осуществляется параллельно. Это означает, что распознавание гласных не зависит от распознавания согласных, эти два процесса осуществляются относительно независимо друг от друга [Там же].

Не вдаваясь в подробности экспериментального подтверждения данной гипотезы, мы полагаем, что если справедливо, что восприятие речи (а значит, и ее интерпретация) осуществляется по линии распознавания гласных в составе цельноформленного образа означающего, то справедливо и обратное: в процессе порождения речи осуществляется прогностическая интерпретация гласных в пределах вокалической синтагмы. Иными словами, согласованность элементов означающего в этом случае, с нашей точки зрения, проявляется в согласованности элементов вокалической системы. Различная степень редукции в этом случае может быть объяснена существ-

вующей в языке моделью прогностической интерпретации⁷, в соответствии с которой, если в слове более одной гласной, то гласные, находящиеся не под ударением, интерпретируются в зависимости от удаленности от сильного варианта. При этом очевидно, что носитель языка владеет навыком модификации интервала гласного, используя его не только при речеобразовании, но и при восприятии речи. Сказанное согласуется с экспериментальными данными, полученными в работе [Чистович и др., 1976].

Результатом такой интерпретации является произношение звука, соответствующего определенным акустическим параметрам.

4.2. Характеристика ассимиляции как интерпретационного процесса

Что касается ассимиляции, то в фонетике ассимиляцию рассматривают как позиционный фонетический процесс, проявляющийся в уподоблении согласных по разным артикуляционным признакам. Мы полагаем, что ассимиляция – это акт прогностической интерпретации, определяющий согласованность консонантных элементов речевого потока.

Однако если вокалические синтагмы подвержены ритмико-мелодической интерпретации, что делает возможным редукцию как прогностическую интерпретацию, то консонантные синтагмы, если их рассматривать вне вокалической системы, должны были бы подвергаться большему количеству интерпретационных изменений. Мы имеем в виду, что, к примеру, в консонантном ряду слова *косьба* – ксб – интерпретации подвергается только промежуточный элемент, хотя было бы логично предположить, что «вторичной интерпретации» должен подвергаться и первый элемент консонантной синтагмы.

Решение данной проблемы предполагает обращение к экспериментальным данным. В монографии [Чистович и др., 1976] утверждается, что распознавание согласных в речевом потоке осуществляется в пределах слога, слогаобразующим элементом которого является гласный звук. Этот процесс осуществляется как процесс вычленения гласного звука и негласного звука, которому соответствует пауза. Это, по нашему мнению, означает, что согласный (негласный), оказывающийся в соседстве с другим согласным (негласным), не опосредованным гласным, подвергается прогностической интерпретации – ассимиляции. Иными словами, поскольку образ

---

⁷ Ср., например, с позицией Н. А. Бернштейна [1990], который говорил о том, что прогностическая способность – это модель будущего.

означающего языковой единицы существует до ее речевой актуализации или, возможно, появляется в момент этой актуализации, ассимиляция согласной фонемы в ряду консонантно-вокалической синтагмы представляет собой интерпретационный процесс консонантного (негласного) элемента, находящегося в окружении другого консонанта.

Так, возвращаясь к нашему примеру, можно сказать, что акустический образ лексемы *косьба* интерпретируется носителем языка в актах ее воспроизводства, следствием чего является изменение консонантного ряда в сочетании фонем /с/ и /б/. Прогностическая интерпретация фонем в пределах фонетического слова обуславливает надстройку текущего акустического образа фонемы [с] и образа будущего элемента с учетом элемента [б], следствием чего и является интерпретационный вариант [з] (ср.: *ко[зьб]а*), определяющий его артикуляционный жест и акустические признаки, которые распредмечиваются при восприятии речи.

5. Интерпретация означающего: содержание фонемы и интерпретация

В данной части статьи мы хотели бы остановиться на одном вопросе, значимом в рамках проблем, обсуждаемых в работе. Это вопрос о связи интерпретации означающего – фонемы – и ее содержания. Интерпретация фонемы предполагает не только интерпретацию – перекодировку – языка и речи, но и перекодировку содержания фонемы. Не касаясь подробно вопроса о семантике фонемы⁸, мы полагаем, что ее план содержания образуют смысловозначительные, или дифференциальные, признаки (см. также [Трубецкой, 2000]).

Структуралистский подход к описанию языка, концептуальное осмысление которого восходит, по всей вероятности, к Ф. де Соссюру, позволил лингвистам сделать наблюдения (открытия), которые на тот момент обладали чисто дескриптивной силой и не имели теоретического выхода в решении других проблем науки о языке. Однако современные представления о языке позволяют говорить о том, что естественный язык – это один из алгоритмических языков, возникший на природной основе. Проецируя сказанное в область фонологии и фонетики, мы полагаем, что семантика фонемы как совокупность оппозиционно выстроенных смысловозначительных, дифференциальных признаков – это своего рода код (символы),

---

⁸ См., например, А. П. Журавлев [1991].

на основе которых можно интерпретировать фонемы в звуки речи и наоборот.

Обращаясь к редукции и ассимиляции как алгоритмам прогностической интерпретации означающего, мы полагаем, что дифференциальные признаки гласных и согласных фонем и их речевых эквивалентов определяют их различную комбинаторику в актах кодировки означаемого⁹. Так, например, в слове *косьба* мы наблюдаем перекодировку дифференциального признака фонемы /с/ (глухость) в дифференциальный признак звука [з] (звонкость). Можно предположить, что такая перекодировка осуществляется двумя способами: первый способ предполагает перекодировку одной фонемы в другую с дальнейшей перекодировкой в звук речи; а второй способ предполагает перекодировку фонемы сразу в звуковой эквивалент. Разница между этими способами заключается в том, что в первом случае мы имеем дело с прогностическим образом языковой единицы и ее речевой манифестацией, а во втором – с прогностическим образом речевой единицы. Однако, учитывая, что при восприятии речи носитель языка способен распознавать фонемы, используя морфематический принцип организации кодировки символов, можно с большей уверенностью говорить о том, что перекодировка семантического содержания фонемы осуществляется вторым способом¹⁰.

Заключение

Завершая статью, отметим, что представление фонетического плана речи как результата семиозиса означающего позволяет внести уточнение в дескриптивную теорию языка, основанную на его семиотической природе. Семиотическая природа языка в таком случае не исчерпывается объяснением семиозиса языкового знака как цельнооформленного означаемого, она предполагает осуществление параллельного процесса, связанного с семиозисом означающего. Признание семиозиса означающего предпола-

---

⁹ В этой связи, например, как мы полагаем, алгоритмы кодировки разных языков различны и обладают различной совместимостью.

¹⁰ Это, в свою очередь, означает, что понятие «гиперфонема» – это условное понятие, в естественном языке этого нет. Речевая актуализация «гиперфонемы» позволяет говорить о том, что эта гласная фонема не является смысловозначительной. Наличие гиперфонемы, вероятно, можно объяснить тем, что раньше существовало слово, которое с данным словом было связано морфематическим принципом, но синхронные связи, позволяющие идентифицировать фонему, отсутствуют.

гает наличие еще одной ступени в порождении означаемого, которое предстает не только как акт его кодирования, но и как акт перекодирования означаемого.

Наличие семиозиса означаемого говорит о том, что язык – это алгоритмическая теория создания означаемого, осуществляемая правилами его вывода – алгоритмами прогностической интерпретации (перекодировки) на каждом из этапов создания высказывания. И если создание высказывания обычно заканчивалось фазой фонологического уровня, но с признанием моторного этапа как относительно независимого от собственно языковой части программы, то полученные нами результаты позволяют говорить о том, что эти два этапа не независимы, наоборот, они связаны отношениями прогностической интерпретации – алгоритмом перекодировки, присущим самому языку. В этом плане обучение русскому произношению и фонемному слуху – прикладная сфера верификации описанного исследования, которая в своей основе предполагает наличие прогностической интерпретации, в противном случае без ответа остается вопрос: как чисто моторная работа связана с фонологическим планом речевой деятельности?

Предлагаемое исследование может быть востребовано в области моделирования искусственного интеллекта – моделирования произношения и восприятия речи электронной лингвоперсоны, максимально приближенного к естественно-языковым механизмам обычного человека.

Предлагаемое в статье понимание интерпретации как прогностической перекодировки и стоящая за таким пониманием «алгоритмическая теория языка»¹¹ позволяют наметить объяснительный принцип ответа на актуальные вопросы лингвистики¹², многие из которых, на наш взгляд, как бы это парадоксально не звучало, еще не сформулированы в науке о языке.

Признание языка как алгоритмической теории позволяет говорить о том, что в самом языке содержатся не только алгоритмы (знания), опре-

---

¹¹ Здесь имеется в виду и онтологический, и гносеологический смыслы. Мы не ставили цель представить данную теорию в гносеологическом ключе как одну из теорий языка. Отметим, что некоторые лингвисты приходят к пониманию того, что язык – это теория. Например, к такому выводу приходит К. И. Бринев, о чем он поделился в устной беседе с автором статьи.

¹² Мы считаем, что язык как алгоритмическая теория задает диалогоцентризм языка, его диалогическое бытие и функционирование.

деляющие его бытие и функционирование, но и алгоритмы (знания), определяющие наше знание о нем – метаязыковые алгоритмы.

Список литературы

- Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.
- Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
- Голев Н. Д.* Об интерпретационной функции русской орфографии // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию БигПИ, 290-летию г. Бийска. Бийск, 1998. Т. 1. С. 119–123.
- Голев Н. Д., Сайкова Н. В.* Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под общ. ред. В. А. Пищальниковой. Барнаул, 2001. С. 20–27.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гусар Е. Г.* Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995. 20 с.
- Демьянков В. З.* Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 31–33.
- Диалогическая лингвистика: Коллект. моногр. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.
- Журавлев А. П.* Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
- Ким Л. Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 312 с.
- Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. СПб., 2018. 768 с.
- Милюхин К. В.* Опережающее отражение в саморегуляции личности. Чебоксары, 2004. 145 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Либроком, 2011. 256 с.
- Ткемаладзе Р. В.* Исторические основы порождающей фонологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1992.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 252 с.

- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. 258 с.
- Чернов Г. В. Психолингвистические основы синхронного перевода. М., 1984.
- Чистович Л. А., Венцов А. В., Гранстрем М. П. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л.: Наука, 1976. 388 с.
- Шпильная Н. Н. Диалогический текст: деривационная концепция. М.: ЛЕНАНД, 2018. 384 с.
- Шпильная Н. Н. Деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка // Филология и человек. 2019. № 3. С. 7–17.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
- Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 136 с.
- Halle M. The Sound Pattern of Russian. Cambridge, MA: MIT Press, 1971.
- Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N. Y., 1968.

References

- Bernstein N. A. Fiziologiya dvizheniy i aktivnost' [Physiology of movements and activity]. Moscow, Nauka, 1990, 496 p. (in Russ.)
- Boldyrev N. N. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [The language's interpretive function]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism], 2011, no. 33 (248), issue. 60, p. 11–16. (in Russ.)
- Chernov G. V. Psikholingvisticheskie osnovy sinkhronnogo perevoda [Psycholinguistic basics of simultaneous translation]. Moscow, 1984. (in Russ.)
- Chistovich L. A., Ventsov A. V., Granstrem M. P. Fiziologiya rechi. Vospriyatie rechi chelovekom [Physiology of speech. Human speech perception]. Leningrad, Nauka, 1976, 388 p. (in Russ.)
- Chomsky N. Aspekty teorii sintaksisa [Aspects of the theory of syntax]. Moscow, 1972, 258 p. (in Russ.)
- Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. New York, 1968.
- Demiankov V. Z. Interpretatsiya [Interpretation]. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996, p. 31–33. (in Russ.)
- Dialogicheskaya lingvistika [Dialogic linguistics]. Monograph. Barnaul, AltSPU Press, 2019, 320 p. (in Russ.)

Golev N. D. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, TSU Press, 1989, 252 p. (in Russ.)

Golev N. D. *Ob interpretatsionnoy funktsii russkoy orfografii* [About the interpretative function of Russian orthography]. In: *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskiy i kul'turologicheskiy aspekty* [Language picture of the world: linguistic and cultural aspects]. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of Bigpi, 290th anniversary of Biysk. Biysk, 1998, vol. 1, p. 119–123. (in Russ.)

Golev N. D., Saykova N. V. *Izlozhenie, parodiya, perevod... K osnovaniyam derivatsionnoy interpretatsii vtorichnykh tekstov* [Description, parody, translation... On the basis of derivational interpretation of secondary texts]. (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izlozhenie-parodiya-perevod-k-osnovaniyam-derivatsionnoy-interpretatsii-vtorichnykh-tekstov> (accessed 26.05.2020).

Gumboldt V. fon. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow, 1984. (in Russ.)

Gusar E. G. *Rol' suppozitivnogo faktora v derivatsii oznachaemogo leksicheskoy edinitsy teksta (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [The role of a positive factor in the derivation of the lexical unit of the text (based on the material of the modern Russian language)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Barnaul, 1995, 20 p. (in Russ.)

Halle M. *The Sound Pattern of Russian*. Cambridge, MA, MIT Press, 1971.

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variable-interpretation of the functioning of the text]. Tomsk, TSPU Press, 2009, 312 p. (in Russ.)

Luriya A. R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka* [Higher cortical functions of a person]. St. Peresburg, 2018, 768 p. (in Russ.)

Milyukhin K. V. *Operezhayushchee otrazhenie v samoregulyatsii lichnosti* [Advanced reflection in the self-regulation of the individual]. Cheboksary, 2004, 145 p. (in Russ.)

Saussure F. de. *Kurs obshhey lingvistiki* [Course in General linguistics]. Moscow, Librokom, 2011, 256 p. (in Russ.)

Shcherba L. V. *O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii* [On the threefold aspect of language phenomena and on the experiment in linguistics]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974, p. 24–39. (in Russ.)

Shpilnaya N. N. *Derivatsionno-interpretatsionnyi protsess i ego sledstviya pri ob'yasnenii yazykovykh yavleniy v sisteme russkogo yazyka* [Derivation-interpretation process and its consequences in explaining language phenomena]

in the Russian language system]. *Filologiya i chelovek [Philology and the man]*, 2019, no. 3, p. 7–17. (in Russ.)

Shpilnaya N. N. Dialogicheskiy tekst: derivatsionnaya kontseptsiya [Dialogic text: a derivational concept]. Moscow, LENAND, 2018, 384 p. (in Russ.)

Tkemaladze R. V. Istoricheskie osnovy porozhdayushchey fonologii [Historical foundations of generative phonology]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Barnaul, Tbilisi, 1992. (in Russ.)

Trubetskoy N. S. Osnovy fonologii [Fundamentals of phonology]. Moscow, Aspekt Press, 2000, 252 p. (in Russ.)

Yakushin B. V. Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka [Hypotheses about the origin of language]. Moscow, Nauka, 1984, 136 p. (in Russ.)

Zhuravlev A. P. Zvuk i smysl [Sound and meaning]. Moscow, Prosveshchenie, 1991, 160 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Шпильная Надежда Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

venata85@mail.ru

ORCID 0000-0002-0709-4308

Information about the Author

Nadezhda N. Shpilnaya, PhD in Philology, Assistant Professor, Professor of General and Russian Linguistics Chair, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

venata85@mail.ru

ORCID 0000-0002-0709-4308